

Снова открыв глаза, Чжун Цзыци сразу почувствовал, что ему стало заметно легче. Та тяжесть, что прежде давила на тело, исчезла. За окном уже стемнело. Его живот громко заурчал от голода. Он оглядел комнату: в углу стояли два больших сундука, посередине — квадратный столик и две табуретки. Никакой еды не было и в помине.

Поддерживая себя рукой, он поднялся и подошёл к столику. Взял медное зеркало. Лицо — восково-жёлтое, волосы растрёпаны во все стороны; вид такой, будто перед ним безумец. Цзыци равнодушно поставил зеркало обратно, взял масляную лампу, ухватился за дверной косяк и, вспоминая дорогу, направился к кухне.

Снаружи в небе висела высокая луна. Кваканье лягушек и стрёкот сверчков перекликались друг с другом. Он тщательно обыскал всё вокруг — и нашёл лишь один кукурузный вотоу, грубую паровую лепёшку. На ощупь она была твёрдой как камень. Голод терзал его так сильно, что он без раздумий откусил кусок. Когда ком застревал в горле, он зачерпывал ковшом воду из бочки и запивал.

Лепёшка была из грубой муки — она царапала горло, и каждый глоток давался с трудом. Проглатывая её, Чжун Цзыци не удержался от язвительной усмешки. Вот уж семейка... Племянник заболел — врача не позвали, еду после ужина не оставили. Он запомнит каждый этот счёт. Возможно, на него влияли воспоминания прежнего хозяина тела — но и сам он начинал испытывать к этим людям искреннюю неприязнь.

Однако уйти отсюда было не так просто. Он — гер, да ещё и только что оказавшийся в этом мире. Куда ни пойдешь — везде небезопасно. Лучше уж пока остаться в этой деревне: по крайней мере, здесь есть хоть какая-то защита.

На следующее утро, когда только начало светать, кто-то грубо затряс его за плечо. Открыв глаза, он снова увидел то самое надоедливое лицо — тётку по старшему дяде. Он молча посмотрел на него.

Ли Сюцзюань стоял, уперев руки в бока, и громко сказал:

— Всё валяешься? Посмотри, как уже рассвело! Быстро вставай и иди работать!

С этими словами он ещё и закатил глаза.

Чжун Цзыци промолчал. Всё равно через несколько дней он собирался отсюда уйти — лучшешний раз не создавать проблем. Если начать огрызаться с Ли Сюцзюань, ничего хорошего это не принесёт. Он просто потерпит... до тех пор, пока не станет свободным.

Выйдя из комнаты, он увидел, что солнце только показалось из-за горизонта. Дом, где он жил, стоял сбоку — его построил родной отец, Чжун Чжэньхан. А вот высокий кирпичный дом посередине двора тоже был возведён на деньги отца... только жили там семья старшего дяди, а ещё дед и бабушка-амэ.

Отец работал в городке и получал хорошую зарплату, каждый день принося домой деньги. Семья старшего дяди давно косилась на это с завистью. Сами они держались за свой жалкий клочок земли и при этом были ленивы до безобразия. И теперь, когда появился человек, который приносил деньги, как они могли позволить ему отделиться?

Когда-то Чжун Чжэньхан предложил разделить хозяйство, но те яростно воспротивились. Не желая разрывать родственные узы, он больше не поднимал эту тему.

С самого утра Чжун Цзыци даже не знал, за что взяться. Он увидел, как тётка по дяде зашёл на кухню, помедлил и всё-таки последовал за ним.

— Что мне делать? — спокойно спросил он.

— Что делать? Дел полно! Дрова рубить, воду носить, огород поливать... да и тех старых кур во дворе ещё никто не кормил. Разве это не работа? — затараторил Ли Сюцзюань.

Цзыци не стал слушать до конца — развернулся и ушёл.

Как же шумно.

Ли Сюцзюань всё говорил и говорил, пока вдруг не заметил, что слушателя уже и след простыл. Он сплюнул и вдруг нахмурился.

Сегодня этот мальчишка будто какой-то другой.

Что именно изменилось? Раньше он был тихий, забитый, позволял над собой издеваться... А теперь словно уже не такой покорный.

Впрочем, какая разница.

Главное — он больше не станет искать смерти.

А значит, его серебряная монета с лишним лянном всё ещё при нём.

Выйдя из кухни, Чжун Цзыци прошёлся по двору кругом. Вскоре он понял, что из всей работы здесь не так уж много того, что он действительно может делать. Носить воду и рубить дрова — по его воспоминаниям, этим обычно занимались мужчины. Он вовсе не собирался выставлять себя дураком и хвататься за любую работу подряд.

Толкнув дворовые ворота, он вышел на наклонную тропинку. По обеим сторонам росли высокие деревья. Цзыци заметил, что дома в этой деревне стояли совершенно беспорядочно, без всякой системы. А за деревней поднималась большая гора — густо поросшая лесом, усыпанная дикими цветами. Картина была по-настоящему прекрасной.

Он вернулся во двор, нашёл нож, взял корзину и бросил Ли Сюцзюань через плечо, что пойдёт нарезать травы для кур. Не дожидаясь его согласия, он просто вышел.

С ножом в руке и корзиной на локте Чжун Цзыци неторопливо направился к подножию горы, намереваясь там нарезать травы.

Когда солнце поднялось высоко, травы в его корзине было уже достаточно. Он решил возвращаться — если задержится, с характером этой семейки можно не сомневаться: ужина ему точно не оставят.

— Цзыци!

За спиной раздался звонкий голос.

Чжун Цзыци остановился и обернулся. Его окликнул юноша чуть ниже его ростом, в светло-

голубой хлопковой одежде. Лицо у него было миловидное, а на лбу, между бровями, ярко алела родимая отметина — признак гера.

Цзыци порылся в памяти прежнего хозяина тела и сразу понял, кто это. Чжао Нин — его самый близкий друг. Им обоим в этом году исполнилось шестнадцать — возраст, когда уже начинают говорить о браке.

Чжун Цзыци незаметно поправил выражение лица и улыбнулся:

— Сяо Нин.

Чжао Нин в два шага подбежал к нему, внимательно оглядел с ног до головы и сердито сказал:

— Ты опять похудел! Мы же всего несколько дней не виделись — как ты мог так исхудать?

По его словам Цзыци сразу понял: историю о попытке самоубийства прежнего владельца тела от всех скрыли. Он не стал ничего объяснять.

— Всё нормально. Просто последние дни немного нездоровилось.

— Правда? Ты к врачу ходил? — тут же обеспокоенно спросил Чжао Нин.

— Мне уже лучше.

Чжао Нин наконец облегчённо выдохнул. Он огляделся по сторонам, убедился, что рядом никого нет, и, приблизившись к Цзыци, тихо сказал:

— Цзыци... Я слышал, как мой амо(отец-гер) говорил: когда ты выйдешь замуж за того дурачка Чжао Чжэнаня, их семья сразу отделит вас от общего хозяйства.

Неожиданная близость заставила Цзыци слегка неловко отстраниться, но слова друга мгновенно привлекли его внимание.

Отделит от хозяйства?

Разве это не идеально?

Жить отдельно — спокойно и свободно. Даже если придётся делить жизнь с дураком, это всё равно лучше, чем жить в одной куче с такой роднёй. К тому же семья Чжао тоже, по правде говоря, не отличалась добротой... но по крайней мере там не было этой удушающей атмосферы.

Чжун Цзыци слегка изогнул губы в улыбке:

— Разве это плохо? Будем жить отдельно — меньше хлопот.

— Но... — Чжао Нин занервничал. — Я слышал, как в деревне сплетничают: если вас и отделят, максимум дадут две-три му земли. Денег, наверное, ещё меньше... Как же ты тогда жить будешь?

Подножие горы находилось недалеко от дома Чжун, и пока они разговаривали, уже подошли почти к деревне.

Цзыци похлопал Чжао Нина по плечу, успокаивая:

— Не переживай. Я всё продумал. Иди домой. Я тоже пойду — пора обедать.

— Ладно... — неохотно согласился Чжао Нин и медленно пошёл прочь.

В голове у него всё ещё крутилась странная мысль: разве Цзыци не ненавидел саму идею выйти замуж за Чжао Чжэнаня?

Чжун Цзыци вошёл во двор, бросил траву в курятник, вымыл руки и направился в главный зал.

Вся семья уже сидела за столом. Увидев его, Ли Сюцзюань закатил глаза и язвительно сказал:

— Столько времени пропадал — и всего-то травы нарезал! Наверняка где-то бездельничал. А как время есть пришло — сразу домой.

Чжун Чжэньпин дёрнул его за рукав и нахмурился:

— Хватит уже. Цзыци, иди сюда, поешь.

Он говорил с видом миротворца и доброго человека.

Старик Чжун Ваньшэн и старый господин У, сидевшие во главе стола, молча наблюдали за происходящим.

Чжун Цзыхэн и Чжун Цзицзюнь переглянулись, криво усмехнувшись, презрительно покосились на Цзыци и начали поспешно накладывать еду из общих тарелок в свои.

Чжун Цзыци будто ничего не видел и не слышал. Он молча сел на табурет.

На столе была самая простая грубая еда — низкосортные злаки, из овощей только редька да капуста. Ни кусочка мяса. Попробовав овощи, Цзыци заметил, что даже масла почти нет.

«Вот уж скупердяи...» — невольно подумал он.

На самом деле тут он немного несправедливо судил Ли Сюцзюань. Кроме зажиточных домов, обычные крестьяне не могли позволить себе лить масло щедрыми ложками. В те времена масло стоило недёшево. Растительное было вкуснее, но слишком дорого. Гораздо выгоднее купить пару лян жирной свинины, вытопить из неё свиное сало — его хватало надолго. А на оставшиеся несколько медных монет можно было прикупить ещё кусок ткани.

Закончив есть, Чжун Цзыци даже не стал обращать внимания на остальных — сразу же исчез.

Ему не хотелось проводить здесь ни одной лишней минуты. Он поспешил вернуться в свою комнату.